

Рубина Дина
Русская
(Исабелльница)

17.09.03

135

Дина Рубина: Давайте покончим с литературной эмиграцией!

Веч. Москва — 2003. Ночь — с 6

ФОТО АЛЕКСАНДРА КАРТУШКИНА

Русская писательница Дина Рубина вот уже много лет живет в Иерусалиме. Однако до недавнего времени ее чаще можно было встретить в Москве, где она отвечала за культурные связи Израиля и России по линии Еврейского агентства Сохнут. Три года истекли, и совсем недавно писательница вернулась домой — с тем, чтобы засесть наконец-то за свой новый роман, которого все поклонники ее творчества ждут с таким нетерпением.

— Дина, известность пришла к вам еще в Союзе, но в Израиле она окрепла, вы стали знаменитым автором. Чем объясняете такой успех?

— Моим идиотическим житейским бесстрашием и способностью любоваться всеми фортелями, какие проделывает со мной судьба. Привычка писателя-эксцентрика: всегда ставить себя вне ситуации, всегда быть зрителем, даже если ты — главное действующее лицо и даже если тебе в данный момент это самое лицо лупцуют с обеих сторон, и кровь, и сопли застыт, так сказать, полноценный обзор. В Израиле я угодила в гущу колоритнейших типажей, и вместо того чтобы пестовать ностальгию, заставила себя вглядеться в кипучую жизнь вокруг. А поскольку моя проза — всегда производное жизни, я, соответственно, изменилась и как писатель, и как человек — стилистически, душевно, мировоззренчески... И мои книги удивительным образом оказались интересными не только тем, кто испытал опыт «перемещенного лица», но и российским читателям, ведь до известной степени вся Россия за последние полтора десятка лет стала «перемещенным лицом».

— Есть ли в Израиле другие серьезные писатели, пишущие по-русски?

— Русский литературный Израиль — очень мощная колония. Там живут несколько очень известных писателей и первоклассных поэтов, замечательные литературоведы, эссеисты. Я просто сейчас не возьмусь перечислять, а то обязательно кого-то забуду, потом стану себя клясть. В Израиле выходит на русском языке уйма альманахов, три толстых литературных журнала и несколько потоньше, чертова проплата газет и сотни, сотни книг... — Знаю, вы соседи с поэтом Игорем Губерманом. Не оказа-

ло ли это приятное соседство влияния на ваше творчество?

— Когда мы познакомились и подружились с Игорем Мироновичем, я была уже сложившимся писателем, автором многих книг. А он давно знаменит и любим повсюду, так что о влиянии говорить вряд ли стоит. Я, конечно, люблю многие, уже легендарные, стихи Губермана, писала о них, но, знаете, когда дружба насчитывает более десятка лет, самого известного, самого талантливого человека начинаешь любить и ценить не за то, что он пишет, а за то, что он есть. И дай ему бог здоровья быть еще много лет, и, как говорит он сам — «выпивать и закусывать с друзьями». Со мною, например.

— Для приезжих это чаще всего чes, и я буду последней, кто бросит в моих коллег камень. Сама разъезжаю с котомкой по странам. Правда, при этом никогда не стану высказываться на счет страны, увиденной мельком, наскоком. По этому поводу замечу, что меня удивило и даже оскорбило интервью Виктории Токаревой «Вечерней Москве». На вопрос: «Бывали ли вы в Израиле?» Виктория Самойловна отвечает: «Всегда, когда туда приезжаю, прихожу в полное отчаяние. Это какая-то жаркая страна, где нет ни культуры, ни архитектуры, ничего; где главное для местного народонаселения — это пожрать и потрахаться».

гих странах, где живут «бывшие русские». Есть ли разница в реакции зала?

— Скажем так: люди живее реагируют на те темы, которые как-то касаются непосредственно их. Вообще должна с благодарностью отметить чуткость и прекрасное чувство юмора «русской» аудитории в самых разных странах, а уж я поездила достаточно. Все же «бывший наш народ» скроен по особой мерке, выпестован годами советского умения читать между строк, слышать между слов и догадываться о том, чего автор вовсе не имел в виду.

— Можно ли, по-вашему, ожидать появления в русской эмигрантской литературе таланта уровня Набокова?

— Набоков — не талант, он — гений. Таких величин на век выпадает три-четыре, ну, пять... А талантов в любой литературе, и эмигрантской тоже, много. И — положи руку на сердце — что сегодня вы называете эмигрантской литературой? Вот я прожила в Израиле 10 лет, потом проработала в России три года, сейчас возвращаюсь назад в Израиль и сразу умчусь в какой-нибудь Франкфурт по делам. Давайте, наконец, покончим с литературной эмиграцией. Свободный литератор творит в данный момент там, где ему больше нравится.

— Что дали вам как литератору годы, проведенные в Москве?

— Это станет понятно чуть позже, когда отдалятся от меня Полянка-Ордынка, Лаврушинский, когда сяду за свой стол у окна, выходящего прямо на Масличную гору, и... что-то возникнет. Вот только что — пока не знаю.

ДОСЬЕ ВМ

Дина Рубина родилась в Ташкенте, окончила консерваторию по классу фортепиано. Писать начала еще школьницей, в 18 лет дебютировала в журнале «Юность» рассказом «Беспокойная натура». С 1990 года живет в Израиле, автор полутора десятков сборников повестей, рассказов, киносценариев. Повесть Дины Рубиной «Двойная фамилия» была признана лучшей книгой года во Франции.

Перед тем как мы с семьей уехали на три года в Россию, мы устроили дома небольшую «отвальную». Губерман позвонил утром того дня: «Ты поставила уже плов на плиту? Смотри, не плачь над ним, а то пересолишь». А вечером, наблюдая за мной, сказал: «Ну, что ты волнуешься, как гимназистка, впервые продавшаяся в портовый бордель? Не волнуйся, начнешь работать и увидишь, что все не так страшно, что среди клиентов и симпатичные попадают».

— В Израиль часто приезжают литераторы из России. Происходит ли взаимообогащение, взаимовлияние — или для приезжих это чаще всего лишь занимательное путешествие?

Как израильтянка с приличным стажем могу отметить, что в моей стране действительно летом жарковато, что не испорченные алкоголем израильские мужчины, по общему мнению, действительно прекрасные любовники, что израильская кухня действительно необычайно вкусна.

Что же касается архитектуры, то «сталинского барокко» в Израиле и вправду нет совсем, но вот ЮНЕСКО недавно включила Тель-Авив в свой список объектов, обладающих уникальной исторической и культурной ценностью. Я уже не говорю об Иерусалиме, на само имя которого отзывается сердце любого действительно культурного человека.

— Вы выступали с чтением своих произведений во мно-

Беседовал
Владимир НУЗОВ